

Зелинский Василий Аполлонович

**Критические разборы романа И.
С. Тургенева "Новь"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Аполлонович З.**
Критические разборы романа И.С. Тургенева "Новь" / Зелинский Василий Аполлонович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 194 с.

ISBN 978-5-519-86018-5

ISBN 978-5-519-86018-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Н О В Ъ“.

*) У насъ былъ обычай—при началѣ каждаго новаго года дѣлать, въ доступной намъ формѣ, оцѣнку общаго положенія дѣлъ и подводить какъ-бы балансъ истекавшему году. Нынѣшній разъ это сдѣлали не мы: въ первыхъ двухъ книгахъ журнала печатался новый романъ И. С. Тургенева. Что общаго, спросятъ насъ—можетъ имѣть романъ съ подобнымъ образомъ внутренней политики за какой бы то ни было годъ? Но, во-первыхъ, не надобно забывать того, что у насъ литературныя условія чрезвычайно своеобразны, и только у насъ отъ беллетриста даже требуютъ, чтобы онъ былъ непремѣнно органомъ и выразителемъ общественныхъ стремленій, въ одинаковой степени съ публицистомъ,—даже въ большей степени, такъ какъ кисть художника имѣетъ для себя болѣе ширины и простора, чѣмъ перо чисто-публицистическаго писателя. Въ силу именно этого обстоятельства, и независимо даже отъ высокой степени своего художественнаго таланта, г. Тургеневъ былъ издавна наиболѣе вліятельнымъ изъ нашихъ беллетристовъ. Въ немъ видѣли, по преимуществу, «руководителя» общества. Онъ, конечно, не могъ быть руководителемъ безспорнымъ. Многіе отвергали его отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ нашей жизни. Но достаточно вспомнить, что споры по поводу «Отцовъ и Дѣтей» послужили въ свое время поводомъ къ новой группировкѣ литературныхъ партій, что въ этихъ спорахъ сказалось съ

*) „Вѣстникъ Европы“ 1877 г. № 3. „Внутреннее Обзоріе“. „Новый романъ И. С. Тургенева, какъ страница изъ исторіи нашего вѣка“.

Зелинскій. Критика о Тургеневѣ.

особой ясностью различіе исходныхъ точекъ нашихъ талантливѣйшихъ публицистовъ—и мы убѣдимся, что какъ бы ярки ни были доводы противниковъ, приглашавшихъ общество не слѣдовать за приписанными г. Тургеневу воззрѣніями, никто, однако, не отрицалъ въ немъ ни права ни призванія быть именно руководителемъ общества. Всѣ возраженія сводились только къ тому, что «руководитель» въ данномъ случаѣ ошибся. Но самая энергія, цѣлая буря этихъ возраженій доказывала, что призванія его въ смыслѣ «руководительства» не отрицали сами наиболѣе горячіе его противники.

«Новь» явилась опять съ характеромъ діагнозы современныхъ общественныхъ симптомовъ, и нельзя не сознаться, что никогда еще г. Тургеневъ не писалъ произведенія, въ которомъ идеи автора выступили бы столь ясно, вполне сознательно, осмысленно сначала и до конца. Здѣсь уже нѣтъ ни малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, какъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ» и «Дымѣ». Прочтя «Новь», вы совершенно опредѣленно видите, на какіе симптомы хотѣлъ указать писатель и какое онъ придаетъ имъ значеніе. Въ этой опредѣлительности, если можно такъ выразиться, высказанности почти до конца—характерное отличіе нынѣшняго произведенія г. Тургенева отъ всѣхъ предшествовавшихъ—и въ его пользу.

Но все-таки это—романъ, а не статья, діагноза, а не полное терапевтическое указаніе. Художникъ ясно созналъ и высказалъ симптомы, онъ даже подалъ совѣтъ, какъ уменьшить ихъ острый характеръ, но главная его заслуга все-таки только въ самой діагнозѣ, которою, какъ всякимъ раціональнымъ наблюденіемъ надъ признаками болѣзни, доказывается, что признаки эти не представляютъ чего то самопроизвольнаго. Художникъ не былъ обязанъ и даже не могъ ни объяснить, отъ чего они зависятъ, ни предвидѣть возможности такихъ новыхъ явленій, которыя могли бы сперва сгладить, а потомъ и совсѣмъ устранить эти признаки. Единственная задача беллетриста—наблюденіе, художественное воспроизведеніе наблюдаемыхъ признаковъ въ ихъ взаимной связи и указаніемъ ихъ смысла.

Если онъ пошелъ далѣе и показалъ, какимъ образомъ они могли бы видоизмѣняться къ общей выгодѣ, то и при этомъ все-таки долженъ былъ оставаться исключительно въ избранной рамкѣ наблюдаемыхъ явленій, какъ они существуютъ въ данный моментъ. Если бы онъ вдался въ разсужденіе о томъ, что самая эта рамка, при другихъ обстоятельствахъ, могла бы измѣниться, то онъ вышелъ бы изъ области романа въ сферу чистой публицистики.

Такъ называемая «исторія» на Казанской площади подспѣла какъ-бы нарочно, чтобы показать всю справедливость увѣщаній почетнаго автора о нелѣпости фантастическихъ попытокъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей увлечь за собой народъ для достиженія цѣлей, которыя не только преступны, но совершенно непонятны народу. Эта «исторія», послѣдовавшій приговоръ надъ участниками въ государственномъ преступленіи, разговоры въ обществѣ по этому поводу и вообще настроеніе нашей молодежи—вотъ предметы, которые неотступно становятся передъ нашими глазами, и положительно лишаютъ насъ внутренней возможности говорить о другихъ текущихъ явленіяхъ русской жизни, не упомянувъ о «Нови».

Въ «Нови» мы видимъ извѣстное стремленіе молодежи «въ народъ». Но такое стремленіе въ неизвѣстную и неразгаданную даль мы видимъ не въ одной «Нови» и не въ одной сферѣ, охваченной этимъ произведеніемъ. Развѣ въ нашей литературѣ, именно въ прошломъ же году, не была выставлена на первомъ планѣ тема объ «отсутствіи идеаловъ», о томительной тоскѣ и исканіи новыхъ путей, и развѣ писатели, которые говорили объ этомъ,—люди весьма солидные и не имѣющіе ничего общаго съ нелѣпыми революціонными попытками—не приглашали насъ «въ деревню», т. е. въ сущности туда же—«въ народъ». Это не все. Развѣ въ самомъ «движеніи въ пользу славянъ» и даже въ порывахъ къ войнѣ у насъ не сказывалось для того же самаго стремленія погрузиться во что то новое, во имя общественной идеи, наконецъ, просто уйти куда то въ неизвѣстное и неразгаданное,—только бы уйти.

Все это въ сущности проявленія одного и того же чувства, выражающагося въ какихъ то номадныхъ стремленіяхъ мысли, которыя, правда, далеко расходятся въ стороны, но расходятся—какъ радіусы расходятся изъ одной точки отправленія, изъ центра. А центромъ служить общее всѣмъ современное чувство. Назвать это чувство съ точностью мы не можемъ, хотя можемъ приискать для него очень много названій: неопредѣленность, отсутствіе положительныхъ идеаловъ, слабое біеніе пульса общественной жизни и т. д.—все это названія, употреблявшіяся въ тѣхъ же статьяхъ, на которыя мы сослались выше.

Намъ самимъ, въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣннй, пришлось коснуться этого предмета, т. е. «отсутствія идеаловъ», и мы должны были отнестись совершенно отрицательно къ исканію ихъ въ «деревнѣ». Затѣмъ, крайности и увлеченія, вызванныя «славянскимъ движеніемъ» (которое само по себѣ было вполне естественно), подали намъ поводъ и наложили на насъ обязанность отнестись съ полнымъ недоувѣріемъ и къ этой мечтѣ объ «обновленіи» русскаго общества этимъ движеніемъ и жаждою внѣшнихъ успѣховъ. Наконецъ, предъ нами представляется еще одинъ радіусъ, исходящій изъ того же центра: хожденіе «въ народъ» или казанская «исторія», или мотивъ, наблюдаемый въ «Нови»,—назовите это какъ хотите.

Въ томъ обзорѣннй, о которомъ упомянуто выше, мы разсматривали, какимъ образомъ произошло нынѣшнее нравственное настроеніе общества, полнѣйшая разобщенность его членовъ, умственный разбродъ и уныніе. Мы должны были признать, что этотъ психологическій фактъ истекъ изъ сознанія обществомъ своего безсилія для осуществленія прежнихъ его идеаловъ. Изъ сознанія собственнаго безсилія—въ одной части общества, болѣе хладнокровной и способной успокаивать себя аппеляціею чисто-литературнаго свойства, возникло какъ бы самоотреченіе въ настоящемъ и стремленіе передать свое дѣло въ руки массы, которая безсильной быть не можетъ, и подчиниться тѣмъ идеаламъ, которые эта масса, «деревня», подскажетъ; или же—возложить роль обновителя на нѣкоего *deus ex machina*,

который и представлялся инымъ въ славянскомъ движеніи и въ связанной съ нимъ войнѣ. Другая же, болѣе подвижная и вмѣстѣ легкомысленная часть общества разумѣла аппеляцію къ массѣ не въ пассивномъ, но въ активномъ смыслѣ. Вотъ гдѣ различіе девизовъ: «въ деревню», «въ Сербію», «въ народъ».

Но стремленіе какъ въ той, такъ и въ другой формѣ, въ смыслѣ ли платоническаго воздыханія то по деревнѣ, то по соплеменникамъ, или въ смыслѣ преступнаго хожденія «въ народъ», повторяемъ, вытекло прямо и непосредственно изъ того положенія, что современное общество само безсильно для осуществленія своихъ прежнихъ общекультурныхъ, обще-европейскихъ идеаловъ. Отъ этого самыя эти идеалы подверглись охлажденію, даже сомнѣнію—что проявилось въ томъ значительномъ повышеніи въ курсѣ понятій славянофильства, которое нынѣ стало замѣтно не только въ нѣкоторыхъ органахъ печати, но—скажемъ прямо—въ средѣ представителей науки, и притомъ не въ Москвѣ.

Между тѣмъ, именно это-то самое положеніе, изъ котораго такъ естественно истекли всѣ указанные послѣдствія, положеніе о полномъ безсиліи современнаго общества и объ окончательной будто бы безысходности настоящаго историческаго момента, мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ принять безусловно. Допустимъ, что мы теперь стоимъ; но стоимъ мы не болѣе времени, чѣмъ сколько мы шли впередъ. На основаніи нѣсколькихъ лѣтъ невозможно произносить окончательныхъ приговоровъ, а у насъ такой окончательный приговоръ надъ самими собою произносятъ очень часто, и только этимъ можно объяснить то указанное центробѣжное стремленіе, въ какой бы формѣ оно ни выражалось: въ активной и преступной, или въ легальной и пассивной. Мы не можемъ не согласиться, что у общества нѣтъ практическихъ силъ въ данную минуту; но мы вѣримъ, мы убѣждены, что у русскаго общества, какъ мы его теперь знаемъ, есть способности для плодотворной дѣятельности; есть и достаточно знанія и много охоты, хотя не примѣняющей и даже не выступившей наружу. Вотъ

почему, по нашему глубокому убѣжденію, оно не должно думать о томъ, чтобы переродиться въ нѣчто другое, непохожее на то, чѣмъ создала его исторія; не должно отрекаться отъ себя и считать себя годнымъ къ упраздненію въ пользу невѣдомыхъ грядущихъ людей, съ неповѣданными доселѣ лозунгами,—даже если бы подобныя мечты о перерожденіи и самоупраздненіи наличнаго ума цѣлаго народа и не были неосуществимы сами по себѣ.

Не можемъ допустить приговора объ окончательной безысходности также и по нашему пониманію той среды, которая имѣетъ практическую силу въ своемъ распоряженіи. Историческія условія всей русской жизни были таковы, что у насъ не можетъ быть такой партіи, которая окончательно взяла бы верхъ. Коль скоро само правительство устранило возрѣнія прежней эпохи о возможности и даже необходимости окончательнаго застоя—а рядъ реформъ доказалъ неопровержимо, что оно отъ застоя, какъ принципа, отсеклось—временный застой можетъ быть только отсрочкой, по мысли самого правительства. Никогда не было ни одного прямого или косвеннаго правительственнаго заявленія, которое давало бы право полагать, что оно само считаетъ рядъ реформъ окончательно завершеннымъ. Никогда не было заявленія хотя бы одного изъ правительственныхъ органовъ, въ которомъ общія начала всего культурнаго міра хотя бы косвенно порицались и мысли о нихъ объявлялись бы «вольнодумствомъ», между тѣмъ какъ лѣтъ 25 тому назадъ подобныя заявленія были не рѣдкостью, и во всѣхъ заявленіяхъ по ихъ сущности безусловно проводился взглядъ, что Россіи ничего болѣе не нужно, что благоустройство ея ближе къ истинному идеалу, чѣмъ какія-либо «сумасбродныя мечтанія», т. е. мысли о великихъ реформахъ.

Если мы всмотримся въ вещи, какъ онѣ есть въ дѣйствительности, а не будемъ увлекаться временнымъ чувствомъ унынія, то найдемъ, что основное положеніе о безысходности настоящаго момента не имѣетъ прочнаго основанія, и, стало быть, тѣ стремленія, которыя изъ него истекаютъ и которыя мы называли «центробѣжными», не

могутъ быть основаны на полномъ убѣжденіи, хотя и внушаются наличнымъ чувствомъ.

Но, съ другой стороны, мы должны признать также, что обществу вредно долго оставаться подъ вліяніемъ чувства унынія и разочарованія, хотя бы только въ самомъ себѣ. Какъ бы ничтожны и безвредны ни были упомянутыя стремленія въ настоящее время, невозможно поручиться за отдаленное время, если бы то же чувство могло поддѣрживаться и питаться долгое время. Какъ бы бдительны и энергичны ни были мѣры, принимаемыя противъ отдѣльныхъ симптомовъ, какъ бы силенъ ни былъ протестъ самого общественнаго организма противъ наиболѣе острыхъ изъ этихъ симптомовъ, все таки надо сознаться себѣ, что поверхностное лѣчение, направленное противъ отдѣльныхъ симптомовъ, не обѣщаетъ вѣрнаго успѣха. Вредно было бы закрывать глаза передъ логическими послѣдствіями тѣхъ или другихъ фактовъ. Болѣзнь состоитъ не въ тѣхъ или другихъ симптомахъ; симптомы только свидѣтельствуютъ объ аномальности въ организмѣ, но сами могутъ видоизмѣняться; вѣдь, кромѣ приведенныхъ признаковъ, у насъ еще не мало и иныхъ, совсѣмъ иного рода, но которые также свидѣтельствуютъ о нездоровомъ расположеніи общественнаго организма.

Мы вѣримъ, что изъ всего этого есть исходъ; исходъ вполне возможный, правильный, естественный, указывается рядомъ преобразованій, которыхъ всѣ мы были свидѣтелями. Съ расширеніемъ круга практической дѣятельности, передъ обществомъ явилось бы прямое дѣло, и нездоровыя мечтанія и уныніе уступили бы мѣсто полнымъ жизненной силы здоровымъ направленіямъ. Исчезло бы сознаніе, безсиліе и приискиваніе какихъ-то новыхъ идеаловъ, когда всѣ умственные потребности привлекались бы самой практической жизнью и всѣ поглощались бы ею. Самый тотъ туманный и мечтательный позывъ къ какой то аппеляціи къ «деревнѣ» потерялъ бы смыслъ, и о немъ тотчасъ же забыли бы, какъ молодой человѣкъ, ставъ дѣятелемъ, забываетъ свои ребяческія мечты о необычайныхъ богатырскихъ подвигахъ и обращеніи къ силѣ волшебной,

за неимѣніемъ силы реальной. Всѣ указанные выше признаки легальной апатіи и активной преступности безслѣдно исчезли бы отъ правды, внесенной въ жизнь, какъ снѣгъ таетъ отъ весенняго солнца.

Обращаясь теперь спеціально къ «Нови», повторимъ, что романъ, конечно, имѣетъ дѣло только съ существующими, доступными для художественнаго наблюденія признаками, не вдаваясь ни въ то, какимъ образомъ они произошли, ни въ то, какимъ образомъ они могутъ быть устранены. Г. Тургеневъ показалъ намъ вѣрно явленіе существующее, показалъ намъ, какъ оно отражается въ нынѣшнихъ представителяхъ, легкомысленныхъ и не увѣренныхъ въ себѣ, и какъ то же самое можетъ отразиться въ послѣдствіи въ представителяхъ, менѣе легкомысленныхъ и вѣрнѣе знающихъ свои силы. Этимъ онъ и долженъ былъ удовольствоваться, художникъ какъ бы хотѣлъ сказать намъ:—Вотъ вамъ моя діагноза, а затѣмъ—дѣлайте, что хотите! Въ томъ, какъ діагноза поставлена въ «Нови»—огромная заслуга автора. Только тѣмъ же самымъ фактомъ обуявшаго насъ разброда между легальною апатіею и активной преступностью можно было объяснить себѣ недостаточную чувствительность самой нашей критики къ громадной общественной заслугѣ новаго произведенія; ея одной, въ прежнее болѣе здоровое время, было бы достаточно, чтобы оно произвело поразительное впечатлѣніе, совершенно даже независимо отъ художественныхъ красотъ, указать на которыя предоставляемъ литературному критику. Для насъ, въ этомъ отдѣлѣ журнала, романъ г. Тургенева интересенъ прежде всего, какъ любопытнѣйшая страница современной исторіи, весьма поучительная для желающихъ учиться, весьма искренняя для тѣхъ, кто дорожитъ правдой и любитъ слушать ее.

Изъ „Вѣстника Европы“ за 1877 г.

* * *

*) Помимо всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, переживаемыхъ нами въ настоящее время, нельзя не замѣтить, что начало нынѣшняго года ознаменовано крупнымъ, во всякомъ случаѣ, событіемъ въ русской текущей литературѣ. Я говорю о новомъ романѣ И. С. Тургенева. Для современнаго критика такое событіе, помимо общаго значенія, имѣетъ еще и другой интересъ: среди заурядныхъ произведеній современной литературы особенно отпадно остановиться на произведеніи высокаго таланта, болѣе тридцати лѣтъ стоящаго во главѣ русскаго умственнаго движенія и олицетворяющаго собою до сихъ поръ лучшія стремленія русскаго общества. Обязанность современнаго критика, по истинѣ, чрезвычайно печальна: ему то и дѣло приходится отмѣчать или совершенно неудачныя произведенія, или же произведенія, если и талантливые, то во всякомъ случаѣ не отвѣчающія требованіямъ данной минуты. Наша беллетристика растрачивается на мелочи и подробность; съ одной стороны, слишкомъ большія заботы, относительно такъ называемаго психологическаго анализа, сводятъ даже и талантливаго романиста на кропотливаго искателя такихъ деталей умственнаго и душевнаго механизма, которыя имѣютъ весьма ничтожное значеніе въ общей психической жизни, а съ чисто научной точки зрѣнія являются или простыми парадоксами, или же, въ крайнемъ случаѣ, при удачной наблюдательности, составляютъ простое сообщеніе мелкаго факта, ни въ какомъ случаѣ не могущаго значительно вліять на развитіе характера, въ томъ или другомъ отношеніи, и не играющаго никакой роли въ общей экономіи психической жизни. Съ другой стороны, вторая школа нашихъ беллетристовъ, оставляя въ сторонѣ психическій анализъ, занимается фабрикаціей болѣе или менѣе удачныхъ манекеновъ, чрезвычайно удобныхъ для выраженія личныхъ мнѣній автора, который заботится не о воспро-

*) В. Чуйко. „Пчела“ 1877 г., №№ 3, 4 и 5. Статья подъ заглавіемъ: „И. С. Тургеневъ: Новъ, романъ (*Вѣстникъ Европы*), январь, первая часть.“

изведеніи жизни, а о развитіи тезиса, лично ему особенно интереснаго. Въ первомъ случаѣ, наши беллетристы—не болѣе какъ послѣдователи искусства для искусства, расходящагося все болѣе и болѣе съ требованіями жизни, витающаго въ какомъ-то мірѣ призраковъ, не имѣющемъ ничего общаго съ повседневной, жизненной драмой. Во второмъ, они берутъ на себя роль проповѣдниковъ, казнятъ и милуютъ, совершенно забывая, что искусство — не кафедра проповѣди, не трибуна оратора, и что точка зрѣнія нравственности (общественной или частной) во всякомъ случаѣ можетъ играть только второстепенную роль въ искусствѣ. Конечно, существуютъ почтенныя исключенія, доказывающія, что современная беллетристика не представляетъ собой того упадка, о которомъ намъ то и дѣло твердятъ пессимисты «Русскаго Вѣстника», превращающіе критику въ нѣчто вродѣ кордегардіи и полицейскаго участка. Но тѣмъ не менѣе, эти исключенія только подтверждаютъ то, что мы сказали объ общемъ состояніи нашей беллетристики.

И. С. Тургеневъ принадлежитъ къ совершенно другому типу художниковъ. Частная психологія личности его настолько интересуетъ, насколько она является необходимымъ подспорьемъ наблюденія надъ живыми людьми и на сколько она необходима для опредѣленія характера или типа. Свои мнѣнія, міросозерцаніе, теоріи, предположенія и желанія И. С. Тургеневъ выдвигаетъ на первый планъ настолько, насколько это нужно для опредѣленія типа всего произведенія. Но такъ называемая тенденціозность, *une thèse*, какъ говорятъ французы, въ произведеніяхъ И. С. Тургенева играетъ значительную роль, хотя И. С.—въ полномъ значеніи слова—истинный художникъ, который держитъ знамя искусства высоко, оберегая его роль отъ грязи и внѣшнихъ наростовъ. И эта тенденціозность совершенно понятна: художникъ имѣетъ дѣло не съ фикціями собственнаго воображенія, а съ жизнью и съ живыми людьми, онъ самъ живой человекъ, сложившійся извѣстнымъ порядкомъ, подъ извѣстными вліяніями, въ извѣстной средѣ; онъ не только художникъ, но и членъ даннаго общества, радующійся его радостямъ, страдающій его страданіями. Вотъ почему въ